

МЕМОУАРЫ ПРОФЕССОРОВ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ КИЕВА В 1918 Г

Сергей Михальченко
Брянск, Россия

Статья посвящена отражению событий 1918 г. в Киеве в неопубликованных воспоминаниях профессоров университета Св. Владимира в Киеве – юриста Е.В. Спекторского и историка Н.М. Бубнова. В настоящее время тексты мемуаров хранятся соответственно в архиве Института Восточной Европы Бременского университета и в Библиотеке Академии наук Словении в Любляне. Основное внимание уделяется характеристике немецкой оккупационной политики и взаимоотношениям немцев с местным населением.

Ключевые слова: мемуары, Е.В.Спекторский, Н.М.Бубнов, Киевский университет Св. Владимира, немецкая оккупация 1918 г

История германской оккупации Украины в 1918 г., произошедшей в результате Брестского мирного договора, до сих пор остается малоизученным сюжетом истории. Основное внимание исследователи уделяют внутриукраинским проблемам этого времени – истории Центральной Рады и гетманщины. Одной из причин такой ситуации можно считать ограниченность источников. Тем ценнее появление новых источников, к которым относятся вводимые в последнее время в научный оборот мемуары профессоров киевского университета св.Владимира Е.В. Спекторского и Н.М. Бубнова.

Евгений Васильевич Спекторский (1875-1951) – известный отечественный ученый и общественный деятель начала XX в.[5]. Его труды посвящены широкому спектру обществоведческих дисциплин: юриспруденции, истории, социологии, истории литературы. Деятельность Спекторского протекала, в основном, в рамках системы высшего образования – в дореволюционный период он прошел весь путь вузовского преподавателя от магистранта Варшавского университета до ординарного профессора, ректора Университета Св. Владимира в Киеве. Эмигрировав в 1920 г. в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС), Спекторский не только продолжил за границей активную научную работу, но стал одним из организаторов исследовательской и учебной деятельности русской диаспоры – он был среди основателей Русского научного института в Белграде, некоторое время руководил Русским юридическим факультетом в Праге. С 1930 по 1945 гг. был профессором Люблянского университета. Научная и организаторская активность Спекторского не прекращалась вплоть до его кончины в США в 1951 г. В различных отечественных и зарубежных архивах хранится немало документов ученого. Но особую ценность представляют его «Воспоминания». Они написаны в конце 1930-х – первой половине 1940-х годов и хранятся в архиве Института по изучению Восточной Европы Бременского университета в Германии (АИВЕ) [3;6].

Николай Михайлович Бубнов (1858–1943) – историк-медиевист, доктор всеобщей истории. С 1891 года - профессор древней (позже также средневековой) истории в Киевском университете. В 1905–1919 гг. – декан историко-филологического факультета там же. В эмиграции, так же как и Спекторский, он оказался в КСХС, но, в отличие от коллеги, сразу поселился в Любляне и стал преподавать в только что образованном там университете. Мемуары писались им в 1930-е – 1940-е гг., после его смерти были переданы в библиотеку только что образованной Словенской Академии наук, где и хранятся до сих пор в Отделе рукописей [2].

События 1917–1918 гг. занимают важное место в мемуарах ученых. Немаловажное место отводится и периоду немецкой оккупации. При этом, хотя оценки обоим мемуаристов близки друг к другу, имеются и определенные различия.

По замечанию Спекторского, «первое пришествие большевиков в Киев продолжалось всего пять недель. За это время они не успели добраться до университета. Пока они свирепствовали в городе, бежавшие вместе с Радой ее члены, студенты киевского политехнического института Севрук и Голубович, упредив Троцкого, подписали в Бресте от имени Украины «мир» с немцами. Как видно из записок генерала Гофманна, немцы глубоко презирали подписавших мир. Центральной Раде была предоставлена возможность вернуться в Киев под прикрытием немецких штыков. В благодарственной речи Севрук назвал это «началом жизни украинской республики, как самостоятельного государства». Большевики без сопротивления бежали из Киева. И началась немецкая оккупация Украины» [3, л. 335].

Спекторский, с одной стороны, отмечая, что «с появлением немцев киевляне притихли» («Прекратились революционные безобразия, так что фельдмаршал Эйхгорн не без основания удивлялся, как легко управлять русским народом») и при этом не забывая, что «за спиной немцев в Киеве опять появилась Центральная Рада», подчеркивал, что «политическая псевдоморфоза самостийной Украины была только прикрытием захвата

богатого края немцами. Они третировали Украину как дешево доставшийся им военный приз. Из страны они стали выкачивать продовольствие». Так, в частности, «очень поощрялась отправка немецкими солдатами посылок своим родным» [3, л. 336]. Своеобразна складывалась лингвистическая ситуация в Киеве. Как вспоминал Спекторский, «через голову украинского правительства немецкое командование непосредственно обращалось к населению с приказами, которые расклеивались на улицах. Приказы эти были напечатаны на трех языках, немецком, украинском и русском, в спешных случаях – только на двух – на немецком и русском. Вскоре после водворения немцев сенатор М.В.Литовченко сделал доклад в юридическом обществе о государственном языке Украины. Он доказывал, что таковым остается русский. Б.А.Кистяковский возражал, утверждая, что государственным стал украинский язык. Я молчал, считая, что оба ошибаются и, что настоящим государственным языком Украины стал немецкий» [3, лл. 336–337].

Непосредственное руководство университетом в апреле-декабре 1918 г. осуществляли не немцы, а министерство гетманского правительства, воцарившееся на Украине в результате переворота 29 апреля, поэтому непосредственно с немцами Спекторскому, избранному весной ректором университета св.Владимира, пришлось иметь дело мало. Как отмечал мемуарист, «благодаря немцам, я приобрел то, что Пуришкевич назвал «тюремным цензом». Ректор по ложному обвинению был арестован немецкими властями и просидел в тюрьме два дня [3, л. 355]. Вообще, во взаимоотношениях с немцами Спекторский старался придерживаться нейтралитета. Несмотря на оказывавшееся на него периодически давление со стороны германофильски настроенных коллег, он полагал, что «единственное спасение университета – это строгая академичность без какого бы то ни было уклонения в сторону политики» [3, л. 363].

Конец германской оккупации, а вместе с ней и гетманского режима описывались Спекторским достаточно подробно, при этом, как представляется, вполне объективно. По его замечанию, «внешней причиной крушения гетманского режима было поведение создавших его немцев. Им явно не хотелось, чтобы власть гетмана была сильна. И посему они всемерно тормозили организацию его армии и полиции. <...> Отношение немцев к гетману было такое же, как и отношение союзников к Деникину: одной рукой они помогали, другой же мешали. Они, если не поддерживали прямо петлюровского движения, то, во всяком случае, очень определенно не препятствовали ему. А главное, они сами начали разлагаться» [6, л. 370]. Мемуарист охарактеризовал основные особенности этого процесса: «Немецкие солдаты распустились, как жаловалась фронтовая газета *Bugzeitung*, начали лущить семечки («*Jonnenblumkerne*»). По вечерам можно было наблюдать их флирт с девицами из киевского простонародья под звуки гармошки – своеобразный вариант «Двенадцати» Блока. Когда в Германии началась ноябрьская революция, киевский гарнизон совсем разложился. Солдаты превратились в «товарищей». Сбросили кокарды, стали носить фуражки на затылке. И началось оскорбление офицеров. Я собственными глазами видел, как на Крещатике один немецкий офицер, увидя такого распущенного солдата, опустив глаза, хотел пройти бочком мимо него, а тот демонстративно толкнул его локтем» [6, л. 371].

Таким образом, Спекторский в мемуарах уделял внимание как общегородским и общегосударственным событиям, так и жизни университета.

Другой мемуарист, Н.М. Бубнов, хотя и был деканом факультета, об университете почти не писал, основное внимание уделяя исключительно жизни города. Приход в Киев немцев ему, также как и Спекторскому, запомнился, прежде всего, первоначальным наведением порядка. Как писал Бубнов, «смотрели мы на появление германской армии со смешанным чувством. С одной стороны негодование и позор по поводу введения русскими же, только называвшимися «украинцами» в столицу воображаемой Украины, а на самом деле в один из главнейших городов южной России германской армии, которая постепенно занимала все южные губернии России до Дона включительно. На крайнем же юго-западе то же делала австрийская армия. С другой стороны появлялась в душах

уверенность, что немцы не допустят ни большевистских методов управления, ни применения их принципов, ни вообще, каких-либо беспорядков и вопиющего покушения на чужие жизни и собственность. Так оно, действительно, и было, по крайней мере, в Киеве. Внешний порядок был восстановлен» [2, R1/2:6]. Так же, пытаясь быть объективным, характеризовал Бубнов и дальнейшие события 1918 г. В отличие от снимавшего квартиру Спекторского, Бубнов был квартирновладельцем и к нему поэтому были подселены три немецких офицера, не доставлявших особых неудобств. С другой стороны, автор воспоминаний не скрывал карательные экспедиции, проводившиеся немцами по деревням для обеспечения вывоза продовольствия в Германию: «Посылались форменные карательные отряды, которые сносили иногда целые деревни с лица земли, так как отделить виновников и активных от невиновных, или, по крайней мере, пассивных не представлялось возможности. Оружие активные быстро прятали, а пассивные, главным образом, пожилые крестьяне, были застрашаны своей молодежью и молчали, хотя часто и не одобряли ни форменного грабежа вещей, ни даровой раздачи земли. Земли они желали, но полагали, что для ее приобретения все же нужно выполнить некоторые «формальности» вроде купчей крепости и уплаты денег.

Вот был тот социальный вулкан, который тлел под ногами немцев и гетмана. Вооруженная же сила была почти исключительно немецкая» [2, R1/2:7].

Так же амбивалентно Бубнов характеризовал и восприятие окончания немецкой оккупации.

«Если победа союзников и удаление Вильгельма были у нас встречены как будто собственная победа, т.е. с радостью, - писал он, - то условие очищения немцами Украины вызвало чувство радости, но едва ли не больше, по крайней мере, в интеллигентных кругах, беспокойство о том, кто же будет владеть Украиной, так как на Гетмана и его театральную армию надежда была плоха. Выбор же между откровенными и русскими большевиками Ленина с одной стороны и притаившимися и одетыми по-украински зоологическими большевиками Петлюры, с другой стороны, никого не прельщал».

Размышляя далее, мемуарист отмечал: «Некоторым казалось, что ни немцы, ни союзники, не знают ни большевиков Ленина, ни Петлюровских украинцев, считают их представителями какого-то политического и социального прогресса и не учитывают той опасности, какую представляет большевизм для всей Европы. Этим у нас объясняли приказание немцам очистить Украину, не сдавая ее никому. Думали, что было бы лучше приказать немцам пока охранять Украину и от большевиков, и от Петлюры, и не давать разрастаться более грабительскому, чем социальному, движению на низах до тех пор, пока ее не оккупирует какая-нибудь союзническая армия». Этим мыслям способствовало и то, что немецкая армия с развитием революционного движения в Германии теряла дисциплину.

«В Киеве, например, в немецкой армии появились признаки разложения и разлада. По примеру большевиков тут возник даже «совет солдатских депутатов», заседавший в здании духовного училища рядом с нашим домом и немецкие офицеры потеряли много из своей уверенности и крахмальности. Неизвестно, долго ли бы немецких солдат сдерживало сознание, что они находятся в чужой земле, где им нужна дисциплина и компактность в большей степени, чем у себя на родине. Главное же, что все они страстно стремились в свой Vaterland, и что долгое пребывание в Украине было бы им не по нутру. Немецкие солдаты стали торговать, неизвестно, с разрешения ли, или без, разными своими запасами, например, мукой, сахаром, вином и т.д.» [2, R1/2:7].

Дальнейшие события, связанные со вторым приходом красных в 1919 г., были охарактеризованы обоими авторами не только в мемуарах, но и в опубликованных еще при их жизни очерках [1; 7]. Подводя итог, стоит отметить безусловную ценность мемуаров профессоров университета Св. Владимира как источника по истории революционных событий 1918 г. в Киеве.

1. Boubnov, N. L'Université de Kiev sous le régime soviétique (1919)[Text]/ N.Boubnov // Revue internationale de l'enseignement. – Paris, 1929. – №5–6. – P.130–160.
2. Бубнов, Н.М. Воспоминания [Рукопись]/ Н.М.Бубнов// Bibilioteka Slovenske Akademije Znanjsti in Umetnosti v Ljubljani.
3. Михальченко, С.И. Документы Е.В. Спекторского в Архиве Института Восточной Европы Бременского университета [Текст]/ С.И.Михальченко// Отечественные архивы. – 2011. – № 6. – С. 64–68.
4. Михальченко, С.И. Академическая жизнь Киевского университета св.Владимира в 1917–1918 гг. [Текст] / С.И.Михальченко, Е.В.Ткаченко// Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. – 2008. – №1. – Вып. 5. – С.180–186.
5. Михальченко, С.И., Евгений Васильевич Спекторский [Текст] / С.И. Михальченко, Е.В. Ткаченко // Вопросы истории. – 2013. – №1. – С. 31–53.
6. Спекторский, Е.В. Воспоминания [Рукопись] / Е.В.Спекторский// Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv.- Ф.01-30.230 (Bonač, Vladimir). - Е.х.П.
7. [Спекторский, Е.В.] Столетие Киевского университета Св.Владимира: 1834-1934. [Текст] / Е.В.Спекторский. – Белград : Издательство Комитета киевских профессоров в Любляне, 1935. – 101 с.